

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
ДЕПАРТАМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

РАЗВИТИЕ ВЕДУЩИХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

ИНТЕРНЕТ-ОБЗОР
№49(90)
16-22 декабря 2013 г.

Якутское Саха – Информационное Агентство

19.12.2013

<http://www.ysia.ru/ru/society/21820>

Школьники Малайзии проявили интерес к обучению в СВФУ

Северо-Восточный федеральный университет представил свои образовательные программы на одной из крупнейших образовательных выставок Азии Star Education Fair 2013, которая прошла в Куала-Лумпуре 14—15 декабря.

Участниками выставки стали более 160 образовательных учреждений, в том числе семь российских университетов. «Мне бы хотелось, чтобы жители Малайзии знали об образовательных возможностях, которые им предлагает Россия. Поскольку высшее образование в Российской Федерации в большей части финансируется правительством, стоимость обучения может быть даже ниже, чем в Малайзии», – отметил почетный консул Российского консульства в Малайзии Тэо Сен Ли.

СВФУ на выставке представили ведущий специалист Управления международных связей Татьяна Бандерова и старший преподаватель Института зарубежной филологии и регионоведения Елена Дьяконова. «В мае 2013 года СВФУ подписал с господином Тэо Сен Ли договор о сотрудничестве в области набора студентов из Юго-Восточной Азии, – рассказывает Татьяна Бандерова. – Наибольший интерес малазийских абитуриентов вызвали образовательные программы медицинского и финансово-экономического институтов СВФУ, а также математическое и физическое направления, программы нефтегазового дела, электроэнергетики и строительства. Всего к обучению в федеральном университете проявили интерес около пятидесяти абитуриентов».

Также в рамках образовательной выставки состоялись встречи с Послом РФ в Малайзии, представителями Российского центра науки и культуры в Малайзии и рекрутинговыми агентствами для дальнейшей совместной работы по привлечению иностранных граждан на обучение в СВФУ, сообщает редакция новостей университета.

12.12.2013

<http://www.ysia.ru/ru/society/21605>

«Сколтех» и Северо-Восточный федеральный университет будут сотрудничать

Ректор Северо-Восточного федерального университета Евгения Михайлова и вице-президент Сколковского института науки и технологий 11 декабря подписали соглашение о сотрудничестве в области образования. Приоритетными направлениями совместных действий названы энергетика, биомедицина, нанотехнологии, экология, информационные науки, сообщает Редакция новостей СВФУ.

«Цель соглашения – координация взаимодействия в области разработки образовательных технологий для подготовки инженеров нового поколения, внедрения стандартов CDIO и реализации совместных научно-технических проектов, направленных на подготовку специалистов международного уровня», – сообщает директор Департамента стратегического развития СВФУ Василий Саввинов.

По словам директора, сотрудничество со Сколтех даст федеральному университету возможность стать членом CDIO – сообщества университетов с практико-ориентированным обучением.

Сколтех и СВФУ планируют реализовать совместные магистерские программы. «Предполагается обучение магистрантов в летних и зимних школах, обучение профессоров и преподавателей вуза на совместных дисциплинарных курсах. Будет

содействие в развитии технологического предпринимательства и инноваций», – рассказывает Василий Саввинов.

Справка: Сколковский институт науки и технологий (Сколтех) – негосударственное научно-образовательное учреждение в Сколково. Создан в 2011 году при участии Массачусетского технологического института, готовит новые поколения исследователей и предпринимателей, развивает научные знания и содействует технологическим инновациям с целью решения важнейших проблем современного общества и науки.

11.12.2013

<http://www.ysia.ru/ru/society/21548>

СВФУ будет сотрудничать в сфере туризма с самым современным университетом Лондона

Северо-Восточный федеральный университет продолжает развивать международное сотрудничество. 3 декабря делегация вуза посетила Университет Западного Лондона.

«У Университета Западного Лондона безукоризненная репутация в мире образования, – рассказывают представители СВФУ. – Так, например, в прошлом году он был признан газетой The Guardian самым современным вузом Лондона, а в 2008 году в рейтинге Times Higher Education он занял первую строчку в номинации «Гарантированное трудоустройство выпускников».

Проректор по гуманитарному развитию федерального вуза Анатолий Бурцев встретился с руководством английского университета. Стороны выразили готовность к сотрудничеству в сфере туризма.

«Взаимодействие по этому направлению будет очень полезно, – считают делегаты СВФУ. – Институт туризма и гостеприимства Университета Западного Лондона в последние годы является лидером ресторанно-гостиничного дела и несколько лет подряд организует приемы Королевы Великобритании, а в 2012 году организовал все приемы Олимпиады в Лондоне».

Справка: Университет Западного Лондона (University of West London) – государственный университет расположенный на западе города Лондон, в районах Илинг и Brentford, основан в 1860 году. Вуз также имеет собственный кампус в студенческом городе Рединг. Среди выпускников University of West London есть артисты, продюсеры и музыканты с мировым именем – солист группы Queen Фредди Меркьюри, лидер группы The Who Пит Таунсенд, хип-хоп продюсер Алекс Да Кид и другие.

Информационные технологии в РБ

17.12.2013

<http://it.tut.by/379247>

В БГУИР открылся "Умный класс". МТС и Samsung представили "образование будущего" для Беларуси

Образовательный проект "Умный класс" запущен в тестовом режиме на факультете компьютерных систем и сетей БГУИР совместно с Samsung и МТС. IT.TUT.BY посетил интерактивную лекцию, где студенты использовали планшеты, а преподаватели — мультимедийную доску.

Денис Терещенко, МТС

Впервые проект "Умная школа" для Беларуси был продемонстрирован на ТИБО-2012. Спустя год первый интерактивный класс уже действует в БГУИР в тестовом режиме. Университет был выбран, по словам заместителя гендиректора МТС Дениса Терещенко, как ведущий IT-вуз страны, Samsung, МТС и БГУИР станут "тремя китами"

внедрения современных технологий в белорусское образование. "Это ждет все школы и университеты страны в течение ближайших 5-10 лет", — заявил он.

Алексей Лещев, БГУИР

"Мир меняется, мир уже другой. И нам, участникам образовательного процесса, необходимо не отставать от прогресса", — заявил Алексей Лещев, замдекана по учебной работе ФКСиС БГУИР. "Университет уже мощно оснащен, есть проекторы, телевизоры, онлайн-сервисы... Проект "Умная школа" позволит максимально эффективно использовать мобильные устройства учащихся". Преподавателям проект, по его словам, даст гибкие и понятные инструменты для управления учебным процессом, организации групповой работы учащихся, контроля успеваемости.

Алексей Голуб, Samsung

"Умный класс в белорусском вузе реализуется Samsung в рамках глобального проекта Smart School и представляет собой консолидацию ученика и преподавателя, интерактив между ними, вовлечение ученика в регулирование процесса образования", — дополнил руководитель департамента IT-Telecom представительства Samsung в Беларуси Алексей Голуб. Проект Samsung Smart School действует в США, Китае, Европе и СНГ. **В России он реализован в университетах в Якутске (Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова) и Казани (Казанский федеральный университет). Настройку и обслуживание осуществляли инженеры Samsung из белорусского и лондонского офиса совместно со специалистами БГУИР.**

Samsung предоставил для оборудования аудитории свою интерактивную доску с диагональю 65 дюймов, а для студентов гибридные планшеты ATIV Smart PC 5. Но к интерактивной доске могут подключаться не только устройства Samsung: наоборот, "Умная школа" создается максимально доступной для разных устройств разных производителей. Взаимодействовать с системой могут из любой точки мира стационарные компьютеры, ноутбуки и планшеты (возможно, даже смартфоны) на наиболее популярных в белорусском образовании операционных системах Windows и Android, готовится решение для iOS. Бесплатные Linux-системы вроде Ubuntu и Debian в белорусском проекте не рассматривались, хотя адаптация под них при необходимости возможна.

Радио Азутутюн

23.12.2013

<http://rus.azatutyun.am/content/dostizhenia-nauki-v-2013-godu/25202672.html>

КЛОНИРОВАНИЕ МАМОНТА

Идея о возрождении вымерших животных приобрела новые обороты в 2013 году.

После расшифровки большей части генетического кода мамонта из его волоса, некоторые ученые уже давно серьезно рассматривали возможность клонирования мамонтов, если бы были найдены их живые клетки.

Российские ученые говорят, что этот проект на шаг приблизился к реальности, после того как в мае был найден отлично сохранившийся скелет самки мамонта, умершей, как минимум 10 тысяч лет назад. Ученые говорят, что скелет с жидкой кровью был найден на отдаленном арктическом острове Ляховский, и так хорошо сохранился, поскольку нижняя его часть застыла в чистом льду.

Северо-Восточный федеральный университет Семена Григорьева в Якутске подписал соглашение с пионером клонирования в Южной Корее Хуанг Ву Сюком, который в 2005 году впервые клонировал собаку.

20.12.2013

<http://www.1sn.ru/93478.html>

В СВФУ открывается выставка «Успешные и знаменитые мужчины»

20 декабря в научной библиотеке СВФУ открывается выставка «Үс өргөстөөх, аҕыс кырыылаах» («Успешные и знаменитые мужчины») корреспондента Редакции новостей федерального университета Варвары Жирковой. Об этом сообщает управление информационной политики и коммуникативных технологий университета.

На выставке можно будет посмотреть 50 фотографий мужчин разных возрастов, профессий, национальностей и др. Все снимки были сделаны во время интервью, мероприятий и фотосессий.

Центральной фотографией выставки является портрет первого президента Республики Саха (Якутия) Михаила Николаева.

«Кто такой мужчина? Он – кормилец, добытчик, защитник и мудрый отец. Мужчина – это человек, рожденный для защиты близких ему людей. Мужчина – олицетворение силы воли, характера, твердых моральных принципов и устоев. Он не пасует перед трудностями, всегда принимает правильное решение, когда будет нужно, то защитит свою Родину. Быть настоящим мужчиной большая ответственность!» – говорит о героях своей выставки Варвара Жиркова.

20.12.2013

<http://www.1sn.ru/93257.html>

Ректорский смотр СВФУ закончился триумфом Финансово-экономического института

Ректорский смотр СВФУ закончился триумфом Финансово-экономического института. Об этом было сообщено на торжественном закрытии мероприятия, проходившего в федеральном университете с 5 ноября по 10 декабря. В течение этого времени более 1 000 человек из всех учебных подразделений вуза состязались за право называться лучшим творческим коллективом года.

Самым масштабным стал последний этап смотра – «Битва хоров», в котором приняли участие пятнадцать хоровых коллективов.

Гран-при завоевал ФЭИ СВФУ. Первое место было присуждено филологическому факультету, второе – Педагогическому факультету СВФУ, третье – автодорожному факультету.

Раздел №2: СМИ о ведущих отечественных и зарубежных университетах

УПРАВЛЕНИЕ

09.12.2013

http://www.gazeta.ru/science/2013/12/09_a_5794649.shtml?fb_action_ids=540016859400554&fb_action_types=og.recommends&fb_source=other_multiline&action_object_map=%5B387897938011194%5D&action_type_map=%5B%22og.recommends%22%5D&action_ref_map=%5B%5D

Научно-липовый бум

Ученые адаптируются к сегодняшнему торжеству наукометрии, но при этом перед научным сообществом встала проблема поддельных журналов

В Китае вскрыт «черный рынок» научных публикаций. На фоне движения статей в сторону открытого доступа в интернете этот факт четко демонстрирует: перед научным сообществом уже встала проблема «фейковых» журналов.

Made in China

Сохраняется устойчивая тенденция к снижению доли научных публикаций России в общемировом объеме

В Китае обнаружен «черный рынок» научных публикаций. Как сообщает Science, в этой стране обнаружена нелегальная сеть: фирма обязуется изготовить для вас текст на английском языке и разместить его в журнале с высоким импакт-фактором. Более того, если автор не может написать хорошую статью, специализирующаяся компания готова это сделать за него.

Это открытие работники Science сделали на фоне научного бума, который переживает Китай: по данным Nature, на долю ученых из этой страны пришлось 8,5% статей в журналах Nature в 2012 году (303 статьи), а рост относительно 2011 года составил более 35%.

В 2000 году на долю научных структур КНР пришлось всего шесть подобных материалов.

Такой рост научного присутствия ученых из Поднебесной обеспечивается мощными инвестициями. При этом публикующимся в престижных изданиях платят большие надбавки. Престиж оценивается по попаданию журнала в библиографическую базу Web of Science.

Чем больше сдадим — тем лучше

Как в СПбГУ стимулируют международную публикационную активность российских ученых

Стоит заметить, что подобные способы повышения публикационной активности ученых применялись и в России: так, по информации социологов Михаила Соколова и Кирилла Титаева, в 2010 году НИУ ВШЭ объявил о присуждении надбавок размером в 30 тыс. руб. в месяц сроком на два года автору статьи в реф-ревью-журнале, в 2012 году сумма была уже 60 тыс. руб., наконец, в 2013 году она поднялась до 90 тыс. Число зарубежных публикаций ощутимо выросло за это время от незначительных величин в 2006–2007 годах до 29 в 2009 году, 38 в 2010-м, 79 в 2011-м и 91 в 2012 году. Правда, социологи не учитывают заметного роста преподавательского и научного состава университета.

Тем не менее сейчас уже можно сказать, что искусственное стимулирование числа «престижных публикаций» становится частью научной жизни не только за рубежом, но и в России. Это связано, конечно, не только с традиционным представлением о том, что

ученый должен публиковать результаты своих исследований, но с тем, что, как уже рассказывала «Газета.Ru», в последнее время все более популярна идея измерения эффективности научной работы через показатели цитируемости.

Соответственно, известны примеры манипуляции этими показателями — например, многочисленные ссылки на тот журнал, где автор ссылок входил в редакционную коллегию, а также другие методы «накруток» наукометрических показателей.

Именно потребность в создании все новых и новых, все более цитируемых статей вызывает у некоторых авторов гиперплодовитость, которая не связана напрямую с гиперкачеством.

Интернет все стерпит

Поощряет активность ученых на публикаторском фронте и интернет. С одной стороны, эта среда позволяет ученым более широко обмениваться информацией, создавая некоммерческие проекты. Так, в 1991 году на базе лаборатории в Лос-Аламосе возник электронный архив, получивший соответствующее название ArXiv (сейчас им занимается Корнелльский университет в США). Этой платформой пользуются не только математики и физики, но и ученые, занимающиеся другими дисциплинами.

Более того, размещение статей из «серьезных» журналов в интернете становится велением времени. Публикация в открытом доступе (open access) результатов исследования заметно повышает их цитируемость.

Согласно проекту новых требований к журналам, входящим в список Высшей аттестационной комиссии (ВАК), наличие сайта в интернете, где «в открытом доступе размещаются аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках для всех статей и обзоров», является одним из требований для попадания научного журнала в список рецензируемых изданий. При этом требование размещения в открытом доступе или за плату статей является необязательным.

Поверить индексом науку

О том, как в России и в мире принято сравнивать эффективность исследовательской деятельности конкретных учёных и конкретного научного учреждения, в Западной Европе, в свою очередь, существует дискуссия о том, обязаны ли ученые (зачастую выполняющие свои исследования на правительственные гранты, то есть на деньги налогоплательщиков) выносить свои тексты в открытый доступ.

Платите и публикуйте

В некоторых странах публикация исследования для широкого ознакомления может стать законодательной нормой. Так, финансируемые государством в США научные работы уже появляются в свободном доступе в течение года, в Великобритании же при этом выкладываются не только исследования, но и отчетность о расходовании выделенных на их проведение государственных средств. Но данная ситуация неизбежно может привести к конфликту интересов между правительствами и редакциями крупных академических журналов. Последние существуют за счет подписки, а значит, режим «открытого доступа» бьет по их интересам.

В результате многим ученым, которые хотят дать доступ к своим работам широкому кругу читателей, предлагают заплатить журналам компенсацию. Так, для журнала *Revolutionary Russia* (в котором публикуются статьи по истории России послереволюционного периода) она составляет 2000 евро, столько же заплатит ученый при публикации в других журналах группы Taylor & Francis (помимо *Revolutionary Russia* она издает журналы по биологии, биофизике, социальным наукам и многим другим дисциплинам).

Стоит заметить, что помимо интернет-версий журналов существуют и полноценные онлайн-журналы. Иногда они используют модель подписки — так, в России подобным образом работает электронный журнал «История» (правда, пока ему не удается

выйти на высокие показатели цитирования: в 2011 году журнал имел нулевой рейтинг по Российскому индексу научного цитирования (РИНЦ)).

Наука в свободном доступе

Финансируемые государством в США научные работы теперь будут появляться в свободном доступе в течение года, а с 1 апреля в Великобритании регулярно... →

Иногда они перекалывают расходы на публикацию на плечи самих авторов, делая доступ к статьям открытым. Группа журналов PLOS предлагает заплатить за выход статьи в биологическом издании — PLOS Biology — \$2900, в изданиях по генетике, патогенезу и тропическим болезням — \$2250 и так далее.

Стоит заметить, цена за публикацию не означает, что журнал возьмет все, что угодно. Необходимые процедуры — рецензирование, редактирование и другие обычные для высококачественных научных журналов практики — будут проводиться все равно.

С одной стороны, появление таких платформ улучшает обмен научной информацией между учеными, кроме того, сокращает время на подготовку статей (в бумажном журнале от сдачи статьи в журнал до ее публикации может пройти один год).

Подделка под научный журнал

С другой стороны, теневой стороной движения научной информации «в цифру» является появление целой индустрии менее щепетильных изданий. Они, как правило, броско себя называют и экономят на редакторских функциях, в них могут появиться уже опубликованные однажды статьи. «Это несерьезные издания, их не выписывают библиотеки, у них появляются статьи или совсем неопытных авторов, или совсем отчаянных», — отмечает немецкий историк, к которому неоднократно обращались с подобными предложениями. Так, представители Journal of International Relations and Diplomacy берут за размещение текста в своем издании по \$50 за страницу (550 слов), при этом рассылая приглашения «всеерным методом» по электронной почте.

Научное сообщество в Америке и Западной Европе считает проблему подобных изданий весьма реальной: американский библиограф Джеффри Бил составил список признаков, по которым можно опознать «поддельный» научный журнал, а также ведет их полный список. В 2010 году в него входило всего 20 изданий, сейчас — более 4 тыс., и он явно неполон.

Таким образом, научное сообщество пока не выработало способа решения этой проблемы.

Возможно, именно общественная реакция (создание «черных списков» журналов и так далее) станет барьером на пути у подобных изданий. Впрочем, как минимум часть сообщества видит корень зла в существующей библиометрической системе, из-за которой люди готовы публиковаться как можно больше и, соответственно, жертвуя качеством, чтобы увеличить потенциальную возможность сослаться на свои труды. По их мнению, без изменения этого критерия оценки победить лжеиздания будет невозможно.

11.12.2013

<http://www.euro-pulse.ru/articles/oblachnoe-obrazovanie.html>

«Облачное» образование

Для начала пара слов о том, что же представляют собой «облака» и какие возможности открываются при их использовании. Облачные технологии (англ. cloud computing) — это «совокупность новейших компьютерных разработок, в рамках которых информация постоянно хранится в Интернет и при запросе пользователя временно копируется на персональный компьютер, игровую приставку, ноутбук, смартфон и т.д.» Иными словами, на бескрайних просторах Интернета создается виртуальный сервер, где располагается массив данных, доступ к которым открыт для большого числа пользователей. Больше не приходится беспокоиться о том, достаточно ли памяти на компьютере или другом электронном устройстве, есть ли у тебя специальное программное обеспечение. Необходимы просто доступ в интернет и точный адрес «облака».

«Облачные» технологии уже хорошо зарекомендовали себя в бизнесе, а теперь они все чаще и чаще применяются в образовательном процессе. «Облачные» университеты практически ничем не уступают традиционным: здесь есть «живое» общение с преподавателями по Skype, «посещение» лекций, библиотеки, семинары, круглые столы, симпозиумы, и, конечно, экзамены. Очевидно, что новые технологии наиболее востребованы в системе дистанционного обучения.

Хагенский университет заочного образования (Германия) является единственным поддерживаемым государством университетом заочного образования в немецкоговорящих странах и регионах. Помимо главного кампуса в Хагене, университет располагает 50 учебными центрами в Германии, Австрии, Швейцарии и странах Центральной и Восточной Европы. Обучение в Хагенском университете, в первую очередь, означает высокую гибкость: можно учиться на дому, выбрав наиболее подходящий темп прохождения и усвоения материала. А еще, Хагенский университет предлагает сервис-ориентированные услуги университетской библиотеки: по запросу книги и статьи будут направлены студенту на дом по электронной почте.

Учебный материал, который в классических вузах представляется в аудитории, адаптирован к новым реалиям обучения: все необходимые материалы, включая лекции, исследования, упражнения, хранятся либо в «облаках» либо на CD и DVD. В последнем случае, по желанию студента, они могут быть направлены студенту на дом по почте. Студенты могут скачать дополнительные материалы или слушать и смотреть онлайн-лекции. Они также сдают свои задания через Интернет.

В университете имеется 4 факультета: гуманитарных и общественных наук, математики и информатики, экономических наук, правоведения. Широкое использование Интернета позволяет очень гибко поддерживать студентов. Так, для большей индивидуализации учебного процесса создан институт «менторов», которые ведут онлайн- и телефонные консультации, чаты в «виртуальных приемных» и обеспечивают другие виды информационной поддержки. Университет проводит около двух тысяч устных экзаменов в семестр, не менее четверти из которых проходят в режиме видеоконференции.

Однако, выбор «облачных» инструментов всегда остается за вузом. Например, Национальный университет дистанционного образования в Испании, один из крупнейших вузов, располагающий 58 учебными центрами в стране и 9 за рубежом (Бонн, Брюссель, Женева, Лондон, Париж и т.д.), отдает предпочтение использованию в учебном процессе доступного программного обеспечения: Google Docs, Open Office, Linux. Это позволяет не только снизить стоимость обучения, но и выстроить уникальную систему. Дело в том, что сегодня интернет-технологии позволяют получить практически любую информацию, поэтому лекции, в привычной нам форме, приобретают не познавательную, а скорее мотивационную функцию к саморазвитию и самообразованию, а использование доступного программного обеспечения облегчает работу с большим количеством материала. Ставка на бесплатные, удобные и оптимально «заточенные» под потребности каждой конкретной кафедры инструменты делают Испанию лидером в вопросе получения доступного образования.

Не менее важен «интернациональный» фактор в вопросах получения «облачного» образования. Не секрет, что достаточно долгое время едва ли не единственным условием поступления в европейский вуз было блестящее знание языка страны, в которой университет находится. Поэтому задача по внедрению обучающих курсов на английском языке – краеугольный камень любого дистанционно обучающего вуза. Франция – страна, занявшая 3е место в Европе по интенсивности развития электронного образования, уделяет большое внимание информационному обеспечению абитуриентов. Так, Французский национальный центр дистанционного образования предлагает обучение с практическим применением информационных технологий в образовании – созданием собственного интерактивного телевидения. Кроме того, в ходе обучения рассылаются

различные презентации, видеокассеты, видеоролики, а студент может сам выбирать язык, на котором ему удобнее получать материалы.

Широкий спектр специальностей, высокое качество видео- и аудиоматериалов, применение самых современных методов разработки учебных программ, аттестации учащихся, проведение видеоконференций и многое другое — вот то, что сегодня предлагают почти все крупные университеты желающим получить высшее образование. Пожалуй, в ближайшем будущем мы сможем получать образование, практически не выходя из дома. Есть ли у вашего университета свое «облако»?

11.12.2013

http://www.vvsu.ru/latest/article/10504063/proekt_kadrovyy_rezerv_razrabatyvaetsya/

Проект «Кадровый резерв» разрабатывается во ВГУЭС

Во ВГУЭС прошла встреча представителей ректората университета и членов кадровой комиссии вуза с преподавателями кафедры управления персоналом и трудового права. Целью заседания стало обсуждение вопросов реализации проекта «Кадровый резерв ВГУЭС».

Данный проект был инициирован ректоратом ВГУЭС в рамках внутренних грантов университета. Разработчиками программы стали преподаватели кафедры управления персоналом и трудового права. Руководителем проекта был назначен профессор кафедр философии и психологии и управления персоналом и трудового права Евгений Могилевкин.

Идея создания кадрового резерва в рамках вуза не случайна: передовые университеты страны успешно интегрировали схожую структуру в свою деятельность и смогли добиться более эффективного управления кадрами. Такой подход применяется на практике и крупными российскими компаниями из реального сектора экономики. Не отставая ни на шаг от лидеров технологических инноваций, ВГУЭС поставил задачу разработать систему эффективного управления кадровыми ресурсами, адаптированную для возможностей вуза.

В ходе собрания рабочей группы проекта обсуждались такие вопросы, как цели кадрового резерва, создание положения о функционировании системы, критерии вхождения и базовые категории участников. Основные задачи проекта: разработка технологии формирования резерва квалифицированных кадров, динамическое отслеживание результатов участников в научной, преподавательской и управленческой деятельности и, соответственно, повышение кадрового потенциала университета.

Проректор по инновациям и информатизации Владимир Крюков высказал мнение об актуальности идеи формирования группы высокого профессионального потенциала во ВГУЭС, подчеркнув необходимость создания системы выявления и развития талантливых сотрудников вуза, имеющих высокий потенциал к дальнейшему развитию в различных направлениях. Для эффективного функционирования проекта, как подчеркнула проректор по учебной и воспитательной работе Ирина Чёрная, важно создание для участников кадрового резерва мотивационной базы и условий для самореализации.

Данное высказывание поддержала проректор по маркетингу и образовательной политике Оксана Мартыненко. Она добавила, что в рамках дополнительного стимулирования стоит создать такие условия для резервистов, когда само зачисление в состав структуры и успешное развитие станет своеобразным «знаком качества» специалиста. Это введение также будет способствовать дальнейшему карьерному развитию участников, позволит им реализоваться в самых разных направлениях деятельности и внести существенный вклад в выполнение ключевых задач нашего университета – критериев его эффективности.

- Оформить заявку на включение в кадровый резерв смогут все талантливые люди, которые хотят реализоваться в рамках современного и динамично развивающегося вуза, – сообщил Евгений Могилевкин. – Причем, эта возможность предоставляется не только

сотрудникам, преподавателям, студентам и аспирантам ВГУЭС, но и представителям различных сторонних организаций. В рамках кадрового резерва планируется формирование открытого карьерного портфолио участников, что позволит им формировать собственный имидж профессионалов, участвуя в проекте. Кроме того, эта система позволит организовать оперативное предоставление предложений по открытым вакансиям в развивающейся структуре университета тем участникам, которые будут наиболее компетентны в соответствующей области.

Все члены проекта «Кадровый резерв» будут иметь возможность обучения, развития и повышения собственной квалификации. Вступить в кадровый резерв можно будет на основании рекомендации вышестоящего руководства, либо по самовыдвижению с обоснованием мотивации и подтверждением своих достижений.

13.12.13

http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=72468#.Ure1ovRdV8H

Когда студенты и учёные – у «руля»

В Санкт-Петербургский политехнический университет я буквально примчалась к самому началу его ежегодной «Недели науки» – уже 42-й в истории вуза. У меня было всего два дня, и даже чтение полутора сотен страниц полной официальной программы осилить было просто некогда. Первые мероприятия конференции оказались позади ещё накануне моего приезда: например, я не посетила встречу со Стейси Феррейра, в 18 лет заработавшей свой первый миллион долларов благодаря Интернет-стартапу и инвестициям британского миллиардера Ричарда Брэнсона. Я оказалась уже на торжественном открытии, где побывал Сергей Салихов, директор Департамента науки и технологий Минобрнауки России, и выступил с лекцией Константин Северинов об адаптивном иммунитете бактерий, заведующий новой в Политехе лабораторией молекулярной микробиологии.

Проведение конкурса «УМНИК», награждение победителей конкурса Российской академии наук для студентов и молодых учёных, встречи в университетском ФабЛабе (первом в Петербурге), дискуссии об академической репутации и плагиате, о том, как разработать и успешно защитить диссертацию, о научных базах данных и реализации проекта «5 в 100» – всё это умещалось в буклет, посвящённый только главным мероприятиям «Недели науки». Но в мой график почти ничего из этого уместиться не могло, поэтому я разве что заглянула в ФабЛаб, где студенты вырезали мне на лазерном станке деревянный органайзер в форме черепахи, и отправилась в ведущие научные лаборатории вуза, чтобы уделить больше времени общению непосредственно с учёными.

Дмитрий Райчук «В научной деятельности социального обеспечения быть не должно: нельзя раздавать “всем сёстрам по серьгам”», – Дмитрий Райчук, проректор по науке Санкт-Петербургского Политеха

В итоге на беседу с проректором по науке Дмитрием Райчуком у меня осталось буквально минут двадцать: в приёмной его уже ожидал академик Европейской академии наук и президент Израильской ассоциации изобретателей (IAI) Олег Фиговский и члены совета конкурса «Дублёр проректора». Поэтому мы коротко поговорили о том, что именно может стать интерфейсом между школой и вузом, как биотехнологии меняют картину Политехнического университета, зачем поддерживать сильных в науке и почему студент не должен чувствовать себя Сталкером.

«Дублёр проректора» – это какой-то внутренний конкурс?

– Это совсем новый проект, который предложил я, чтобы услышать от ребят, с какими организационно-административными проблемами они сталкиваются в своей деятельности и как предлагают их решить. Мы часто говорим о поддержке молодых, поэтому мне очень важно увидеть ту самую молодёжь, которую мы хотим поддерживать. Если заведующие лабораториями и кафедрами оценивают её через научные достижения, то я оцениваю их через административный потенциал и идеи. Мы вместе с советом

конкурса отбираем те проекты, которые предлагают действенные решения, и даём полномочия лауреату: он получает статус помощника проректора и финансовый ресурс.

По воспоминаниям моей матери, окончившей Политех, Неделя науки – это чтение научных докладов. Поэтому я представляла себе нечто «пыльное» и несовременное. Но, судя по всему, вы оживляете Неделю молодёжными мероприятиями вроде того же «Дублёра»?

– Знаете, я пришёл сюда на должность проректора по науке 2,5 года назад и спрашивал у коллег: «Зачем мы проводим Неделю науки?» У меня тогда было ощущение, что это мероприятие слишком парадное, немножко пафосное и одновременно формальное. То есть оно проводится лишь потому, что проводится уже много лет. Но для меня это не основание, чтобы продолжать его проводить. А потом я решил, что Неделя науки – это прекрасная дискуссионная площадка, на которой можно обменяться мнениями, поспорить, услышать друг друга...

Стейси_Феррейра Молодая IT-предпринимательница Стейси Феррейра в рамках «Недели науки» рассказывает студентам о том, как заработать первый миллион до 20 лет

Думаю, что нам за два – три приёма удалось немного понизить градус пафоса, хотя мы и стараемся сохранять торжественность атмосферы, в которой награждаем победителей: чтобы ребята видели, что ради них собирается большое количество их коллег, приезжают уважаемые гости. Но если вы посмотрите в её программу, то я надеюсь, согласитесь, что в форме дискуссий обсуждаются актуальные вопросы. Когда мы только начали менять форматы, я услышал от коллеги: «Посмотрел в программу и хочу в одно время оказаться сразу на двух мероприятиях». Тогда я понял, что мы всё делаем правильно.

Ещё лет 10 назад научная составляющая в вузах была минимальна. Да и вуз представлялся как место, где знания получаешь как багаж, а потом выходишь с этими «чемоданами» на вокзал незнакомого города. Как проректор исследовательского университета вы считаете, что сегодня мы наконец движемся к светлому будущему?

–К сожалению, российские университеты почти все были ориентированы на преподавательскую, образовательную деятельность. С этой проблемой и связана идея национальных исследовательских университетов – то есть тех вузов, которые ближе всего к науке. В проекте «5 в 100» слово «наука» звучит не единственной доминантой, но понятно, что предъявить себя миру можно, в основном, за счёт научного потенциала.

Вызов и одновременно преимущество нашего университета состоит в том, что мы а) крупный, б) политехнический вуз. С одной стороны, мы можем себя реализовать во всех областях, но с другой – структура неоднородная. Крупный университет не может быть сильным во всём. Если взять мировые рейтинги отдельных факультетов известных университетов вроде Оксфорда и Кембриджа, то окажется, что лишь один – два из них являются локомотивами вуза и формируют его имидж. А другие этим в какой-то степени пользуются. Известное правило бизнеса: 20% клиентов формируют 80% дохода. А в университете 20% преподавателей и исследователей формируют 80% имиджа.

42-я_Неделя_Науки_СПбГПУ 42-я Неделя Науки СПбГПУ завершается награждением УМНИКов Петербурга

Как вы стимулируете научную деятельность в Политехе?

– На мой взгляд, нужно поддерживать сильных. В образовательном процессе надо стремиться к тому, чтобы на всех кафедрах был высокий, ровный уровень образования. Но в научной деятельности социального обеспечения быть не должно: нельзя раздавать «всем сёстрам по серьгам». Надо помогать либо тем, кто уже доказал, что способен достигать результатов, и тогда «инвестиции» в него оправданы, либо предугадывать, находить тех, у кого есть потенциал. Мы были бы рады, если бы на всех кафедрах на одинаково высоком уровне велась научная деятельность. Но это не достижимо.

Адресная поддержка – это нам удаётся. Не думаю, что мы здесь достигли уже

хорошем смысле воронкой, затягивающей в себя. Тут нужен ещё и авторитет внешних сильных игроков.

Вы часто привлекаете «внешних»? Может быть, за деньги?

– В университетской, научной деятельности нехорошо говорить «покупаем». Это слово обязательно нужно взять в кавычки. Мы не просто сотрудничаем: вы там, а мы здесь. А интегрируем в себя, ведь мы заинтересованы в том, чтобы к нам приходили. Например, научно-исследовательский комплекс «Нанобиотехнологии», которым руководит Михаил Ходорковский, – это пример лаборатории, которая была инкорпорирована в университет лет семь назад. До этого она существовала в другом месте, а такого направления в университете даже не было. Но ректор увидел потенциал научной группы и создал им условия для работы у нас. Те инвестиции сегодня окупаются сторицей.

Сегодняшние примеры реализуются с помощью инструментов, предложенных государством. Например, 220-е постановление Правительства о привлечении ведущих учёных в вузы. Мы выиграли четыре «мегагранта»: один завершён, для двух мы подали заявки на продление, ещё один выиграли в этом году. Мы играем в эту «игру». Но лаборатория Ходорковского была сделана на средства университета: это значительно сложнее, более рискованно. Но она удалась и стала примером того, что так тоже нужно делать.

Павел_Ладнов Ведущий инженер Павел Ладнов демонстрирует иностранным журналистам возможности производства университетского научно-технологического комплекса «МашТех»

С бизнес-партнёрами тоже работаете?

– Людям науки важно тесно работать с бизнесом для того, чтобы слышать, что ему нужно. Как правило, у учёных и исследователей в университетах и научных организациях есть особенность и в то же время недостаток: они преданы своей идее, своей разработке и не слышат потребностей бизнеса, а пытаются убедить его в том, что они сделали именно то, что ему нужно. Нужно, конечно, научиться слышать бизнес, хотя и бизнесу нужно показывать, что мы можем делать то, о чём они даже не подозревают. Это двухсторонний процесс.

Я слышала, вы создаёте в Политехе собственную карту науки, так или иначе связанную с «Картой российской науки». Для чего?

– Когда мы слышали, что есть такой общероссийский проект, нам стало интересно. Потому что, во-первых, нам небезразлично, как мы будем на этой карте выглядеть, а во-вторых, мы прекрасно понимаем, что из Москвы нас не увидят так точно и подробно, как мы сможем увидеть себя сами. Поэтому решили заняться собственной картой: она нужна как раз для того, чтобы поддерживать сильных. Задача проректора – это распределение ресурсов. Деньги сегодня – не самый дефицитный ресурс в нашем университете. У нас это помещения. Поэтому мне важно знать, какое место занимает та или иная лаборатория на университетской карте науки, и понимать, что это объективно сильная лаборатория – по тем или иным критериям.

ФабЛаб_Политех Школьники охотно посещают «ФабЛаб Политех»

Какие научные направления, которые есть сегодня в Политехе, способны поменять будущее или хотя бы повлиять на него?

– Я бы не стал называть конкретные лаборатории, но обязательно упомянул бы несколько направлений. Микробиология и биотехнология. Их развитие меняет будущее во всем мире, в них вкладывается основной объём средств. Они меняют картину и нашего университета: у нас уже три очень мощные лаборатории в этой области. И мы находимся абсолютно в тренде, поскольку, как ни странно, биотехнологиями занимаются не классические и не медицинские университеты, а именно технические. Биология стала точной наукой. Ещё у нас очень сильное материаловедение, а в энергетике у нас сейчас реализуется хороший проект по разработке дизелей нового поколения. Это как раз тот

пример, когда мы работаем с партнёрами из промышленности. В этой разработке очень заинтересованы австрийцы, поэтому они инвестируют в неё. У нас и ФабЛаб колоссально меняет будущее: университет – это наиболее правильная среда для него. ФабЛаб – потрясающий интерфейс между школой и университетом. Здесь школьники могут встретиться со студентами, сюда могут зайти аспиранты и преподаватели. А совсем рядом находятся те кафедры, где школьникам смогут дать знания, которых им не хватает для проектов.

А как вы привлекаете студентов в науку? Чтобы они не уезжали за рубеж, не уходили из вуза

– Я много обсуждал это с коллегами и построил некую модель. Мы, университет, никогда не удержим ребят только финансами, поскольку просто не сможем предложить им больше, чем наши «внешние» конкуренты. Поэтому деньги – это очень важное условие, но не единственное. Теоретически мы даже можем платить «бешеные» деньги, а они всё равно будут уезжать. Учёные работают не за деньги: для них важна интересная работа, которую может сформулировать и предложить руководитель – это второе условие. И, наконец, третье – интересная, комфортная среда – как сугубо научная микросреда, создающаяся в лаборатории, так и общеуниверситетская. Университет не должен быть просто стенами, в которых находятся книги и оборудование, – здесь должны быть возможности для самореализации. Если учёному или студенту приходится, подобно Сталкеру, передвигаться по непонятной траектории до тех мест, где ему комфортно, это не мотивирует.

К тому же я считаю, ребята должны понимать, что им позволяют «рулить» вместе со взрослыми, что они тоже принимают решения – на своем уровне, либо участвуют в принятии более высоких решений или же могут на них влиять. Если удаётся сформировать у студентов ощущение, что они в каком-то смысле совладельцы университетской среды, это способствует тому, что они остаются.

17.12.2013

<http://www.vesti.ru/doc.html?id=1168021>

Выпускники-отличники останутся без медалей

Разочарование года для выпускников. По окончании школ отличникам больше не будут выдавать медали. Это решение федерального министерства образования.

История школьных медалей в России началась в 19 веке. Традицию продолжили и в Советском Союзе. В 45-м знаки отличия изготавливали из настоящего золота и серебра. В 54-м количество драгметаллов уменьшили. А в 60-х начали делать медали из томпака и мельхиора. Но и это не сделало награды менее ценными.

Ирина Туенок в 87 году в Игарке была единственной медалисткой. Школьная медаль для её родителей до сих пор одна из ценнейших наград дочери. И это несмотря на то, что Ирина Анатольевна уже получила, казалось бы, более ценные звания, например, "Учитель года".

"Это 10 лет труда, потому что золотая медаль — это не только символ того, что человек одарён в каких-то областях, это труд в первую очередь", — уверена обладатель звания "Учитель года", преподаватель математики Ирина Туенок.

И за свой 11-летний труд выпускники 2014-го не получают никаких наград.

- Первая реакция — паника: что делать? Почему? Какие можно решения предпринять, чтобы её вернуть? И плюс ещё, что, оказывается, в сентябре это ввели, а мы узнали только сейчас.

- Ты шёл к какой-то цели, а её в этом году, ни в предыдущем и ни в будущем, не будет.

- У спортсменов медаль как символ их результата, и для нас она так же. Но у них медаль никто не отбирает.

Сейчас даже средний балл аттестата не влияет на поступление в ВУЗ. Всё это — инициатива федеральных законодателей. "В последние годы золотые и серебряные медали не давали преимуществ при поступлении в вузы. После выхода нового закона об образовании в РФ награждение золотыми и серебряными медалями не предусмотрено", — пояснил главный специалист отдела общего и дошкольного образования министерства образования Красноярского края Владимир Бусыгин.

Отличникам будут выдавать лишь аттестат особого образца. Те, кто раньше мог претендовать на серебряную медаль, получают обычные корочки, такие же, как и все троечники.

Из-за бурных возмущений выпускников сейчас вопрос выдачи медалей обсуждается уже на уровне общеобразовательных учреждений. Директора школ готовы самостоятельно закупить наградные знаки, чтобы в конце года всё-таки отметить своих выдающихся учеников.

19.12.2013

http://kpfu.ru/main_page?p_cid=67879&p_sub=12

Общественный совет при Минобрнауки России: Об итоговом сочинении и прозрачности ЕГЭ, Общественный совет

Заседание Общественного совета при Министерстве образования и науки Российской Федерации состоялось 17 декабря в Москве.

На заседании, результаты которого были опубликованы на сайте Минобрнауки РФ, были обсуждены актуальные вопросы совершенствования процедуры итоговой и промежуточной аттестации в школе. Одной из основных тем, вынесенных на повестку Общественного совета, стало возвращение итогового сочинения. Участники дискуссии сошлись во мнении, что выработать процедуру сдачи нового аттестационного испытания нужно максимально быстро, однако вводить ее уже в текущем учебном году, без предварительной проработки было бы слишком скоропалительно.

По словам Министра образования и науки Российской Федерации Дмитрия Ливанова рабочая группа должна подготовить аргументированное решение о порядке введения итогового сочинения. «Общественный совет в апреле подготовит для Минобрнауки России предложения о способах и формах проведения в следующем учебном году итогового сочинения», - заявил глава ведомства.

Первый заместитель Министра образования и науки Наталья Третьяк также подчеркнула, что разработка процедуры введения итогового сочинения должна быть проведена в максимально сжатые сроки. «Чем быстрее мы найдем различные механизмы и успеем их обсудить в преподавательской, ученической и родительской среде, тем будет эффективнее, - сказала Наталья Третьяк, - Чем больше мы дадим возможностей нашим детям и нашим учителям подготовиться к этому экзамену, тем лучше».

Вместе с тем, члены Общественного совета также обсудили различные инструменты, которые могут способствовать более объективному проведению Единого государственного экзамена в 2014 году.

В ходе обсуждения сопредседатель Общественного совета, член-корреспондент РАО, директор центра образования №109 г. Москвы Евгений Ямбург призвал при оценке проведения ЕГЭ не руководствоваться только показателями статистических данных. «Нельзя все оценивать по цифрам и ориентироваться на высокие показатели сдачи экзамена, - сказал заслуженный учитель РФ, - В гимназиях и учреждениях с проблемными детьми ситуация может быть разной, социализация учеников – вот что важно».

В пользу этого мнения высказалась и Наталья Третьяк. «ЕГЭ – только один из критериев оценки работы образовательного учреждения», - сказала Первый заместитель министра.

В свою очередь глава Росособнадзора Сергей Кравцов заверил присутствующих, что все действия его ведомства будут направлены на то, чтобы в 2014 году ЕГЭ прошел

объективно и честно. «Акцент в следующем году будет сделан на повышение информационной безопасности проведения экзамена», - сказал глава Рособрназора.

По итогам заседания участники сошлись во мнении, что обсуждение было непростым, но продуктивным. Как отметил Министр Российской Федерации Михаил Абызов: «Общественный совет помогает Минобрнауки России в выработке самых простых решений».

26.11.2013

<http://www.gazeta.ru/comments/column/auzan/5769753.shtml>

Золотые мозги

АЛЕКСАНДР АУЗАН

Начинающаяся в российской экономике — и не только, надо сказать, в российской — рецессия обостряет вопросы, связанные с развитием образования. В этой связке как образование может определенным образом воздействовать на кризис, так и кризис — на понимание того, какая высшая школа нам нужна.

Нынешние экономические затруднения явно не первые (вспомним 2008–2009 годы) и, боюсь огорчить читателя, не последние. Похоже, такого рода ухудшения будут повторяться. И негативная полоса окажется довольно длинной: есть тому ряд причин, которые активно обсуждались еще в 2009 году. Связаны они с состоянием мировой экономики, дисбалансами глобализации, сложностью координации различных национальных государств, которые при этом играют роль в мировом хозяйстве не только для себя, но и для других.

Значительная часть экономистов отмечают, что мир, скорей всего, выйдет из этой полосы кризиса в сильно иное состояние, чем это было в августе 2008 года.

И одно из принципиальных отличий, которое уже просчитывается в некоторых исследованиях (например, по рынкам труда, которые проводила компания McKinsey), что за пределами ближайших пяти-семи лет — а вряд ли кризисная полоса продлится меньше — главным дефицитом мирового развития будет уже не углеводородное сырье, а высококачественный человеческий капитал. Который, как мы понимаем, производится именно образовательными системами.

Однако в нынешних фазах довольно плохой экономической динамики выбор, который стоит перед правительствами, далеко не всегда ведет к тому, чтобы вложиться в создание ресурса, необходимого для будущего страны. В кризис всегда стоит вопрос, чем стимулировать улучшение экономической конъюнктуры, какой мультипликатор включать, то есть во что вкладываться таким образом, чтобы это положительно подействовало еще и на другие отрасли.

Ну, например, можно, как в 2008–2009 годах, попытаться дать деньги населению (тогда это было сделано через повышение пенсий и зарплат бюджетников) и тем самым достичь как политического смягчения ситуации, так и более мягкой экономической динамики. Хороший мультипликатор, но есть минусы: стимулирует импорт, к тому же эти обязательства назад не заберешь, потом их надо за счет чего-то держать, а за счет чего их держать в экономике не очень сильной — непонятно.

Другой вариант: можно вкладывать в инфраструктуру — строить дороги, тянуть оптоволокно, телекоммуникации и так далее. Обычные возражения: высокий уровень коррупции, это верно, но, на мой взгляд, из этого не следует, что России не надо строить дорог до тех пор, пока мы не победим коррупцию, потому что вряд ли в стране будет возможность жить чем-нибудь еще, кроме мечты об исчезновении коррупции. Это хороший мультипликатор, его надо включать в нынешних условиях, и, я думаю, он будет включен, уже включается.

Есть и другие варианты, например вложения в оборонно-промышленный комплекс, они дают довольно хорошие эффекты в два-три года, хотя потом могут давать и отрицательные.

Теперь при чем же здесь образование и человеческий капитал? Инвестиции в человеческий капитал дают хорошие результаты, но не через год-два, а лет через десять. И сегодня вопрос в том, каков горизонт мышления правительства? Если правительство намерено решать задачи в расчете на год-два, то инвестиции в человеческий капитал производиться не будут. На мой взгляд, именно вследствие этого в бюджете РФ начинают снижаться, причем не только абсолютно, что было бы естественно в условиях ухудшения бюджета, но и относительно, ресурсы, которые надо было бы вложить в образование как один из способов производства человеческого капитала.

Проблемы, которые сформировались в российской образовательной системе в тучные годы, обостряются, выходят наружу, и самое время поговорить о них в условиях, когда сокращается количество бюджетных мест.

Например, по экономике и менеджменту ежегодное сокращение мест составляет почти 20% и исходит из простой идеи, что стране не нужно столько экономистов и менеджеров. При этом для меня совершенно неочевидно, что те, кто производился в стране в таких количествах, действительно являлись экономистами и менеджерами, потому что нехватка квалифицированных экономистов и умелых менеджеров в стране, по моему, может быть доказана другими способами. В чем же центральные проблемы образования, которые эта кризисная ситуация высвечивает?

Прежде всего, университетов очень много, вузы многочисленны, и, казалось, самое правильное решение — уничтожить часть слабых университетов или даже сосредоточиться только на сотне сильнейших, которые и должны обеспечить процветание страны. Не думаю, что это удачное решение. Конечно, нужно избавиться от тех университетов, которые, по существу, просто торговали дипломами, — они, безусловно, подлежат ампутации. Но значительная часть университетов в стране, где почти все люди, окончившие школу, теперь получают высшее образование, доделывают работу средней школы, потому что школа перестала готовить людей к жизни, — она теперь готовит людей к вузу.

Вузы, если говорить о несильных университетах, фактически производят не столько хороших профессионалов, сколько определенные ценностные и поведенческие установки этих людей. Я бы сказал, что они производят российский средний класс, который начинает понимать, что фитнес находится за углом, что денатурат пить не следует, а депозиты бывают разные.

Положительно ли это для экономики, в частности, в условиях экономической рецессии? Конечно, потому, что в зависимости от поведения тех или иных групп населения рынки могут быть более емкими, спрос может сдвигаться от одних товаров и услуг к другим, создавать спрос на более качественные продукты и так далее.

Другое дело, что эти средние университеты точно не производят продукт мирового класса и тех профессионалов, которые могли бы послужить как своей стране, так и позиционированию страны в мировом разделении труда. Это функции элитных университетов. По ним, конечно, ведется работа даже в условиях плохой экономической ситуации: есть программа поддержки продвижения 15 российских университетов в сотню ведущих мировых, при том что московский и санкт-петербургский выступают вне конкурса. Понятно, что именно эти университеты должны были бы заняться производством того самого высококачественного человеческого капитала, который понадобится в стране и в мире, особенно после завершения череды рецессий. Пока центральные банки стран обязаны думать о приближении экономической зимы и заниматься производством валенок, эти элитные университеты обязаны готовиться к весне, готовиться к посеву, который и даст новое позиционирование странам после завершения трудных лет.

Если говорить о различении университетов, производящих правильное поведение в экономике и производящих высококачественный человеческий капитал, то одним из главных критериев, мне кажется, является наличие в них магистратуры — не

объявленной, а реальной. Магистратура в отличие от бакалавриата, доделывающего универсальное образование вслед за школой, — это подготовка людей, которую вообще нельзя сделать в массовом порядке. Это штучная работа. Здесь главное не лекции в большой поточной аудитории, а работа на 10–15 человек в научных семинарах.

Опыт экономического факультета МГУ, скорее всего, уникален, потому что мы начали создавать магистратуру еще в 1991 году и весь набор ошибок, которые сейчас будут повторять другие, у нас уже позади. В магистратуре нельзя готовить людей, когда вы не связаны с лидерами отрасли, индустрии, профессии, — и с этого года мы стали применять прием, когда у каждой магистерской программы появляются гуру — люди, которые создают идеологию набора года. Не случайно программу математических методов анализа экономики возглавил в качестве гуру тогдашний министр экономики, ныне помощник президента Андрей Белоусов. Известный инвестиционный банкир Андрей Арофикин стал гуру программы «Финансовая экономика», Тимур Янбухтин делает такую же работу для программы экономики предпринимательства, Игорь Минтусов, основатель российского политического маркетинга, принял на себя эту функцию в программе «Маркетинг» и так далее.

Думаю, именно здесь — в создании конкурентоспособной не в национальном, а в международном плане магистратуры — решение того вопроса, ответ на который с нас спросят где-нибудь в 2020 году.

19.12.2013

<http://top.rbc.ru/politics/19/12/2013/895700.shtml>

Д.Ливанов требует отставки министра образования Брянской области

Министр образования Дмитрий Ливанов потребовал отставки руководителя Департамента образования и науки Брянской области Владимира Оборотова.

"Я обратился к руководству Брянской области с предложением заменить министра образования области", - объявил Д.Ливанов на заседании правительства РФ.

По его словам, такое решение было связано с тем, что органы управления образованием в регионе не заинтересованы в объективности результатов ЕГЭ, а заинтересованы в том, чтобы зависить показатели, сделав так, чтобы слабым ученикам помогали на экзамене.

Сегодня в ходе совещания глава Минрегиона Игорь Слюняев предложил исключить результаты сдачи ЕГЭ из числа показателей оценки эффективности деятельности региональных властей из-за необъективности этого критерия.

По итогам 2012г. лучшие результаты ЕГЭ показали школьники из Брянской, Оренбургской и Орловской областей. Здесь выпускные и вступительные экзамены не сдали менее 0,3%. При этом в ходе ЕГЭ было зафиксировано много нарушений.

<http://theoryandpractice.ru/posts/8269-humanitarian>

«Российскому образованию необходимо избавиться от двух иллюзий»: эксперты РГГУ о роли высшей школы

Должен ли университет решать проблему наращивания интеллектуального капитала или же это место для получения корочки? Когда деятельность в гуманитарной сфере перестанет приобретать черты социального эскапизма и дауншифтерства? Есть ли разница между свободными формами обучения нового типа и классическим институциональным образованием? На эти вопросы руководитель пресс-службы РГГУ Александра Сербина попросила ответить двух экспертов университета: Аркадия Перлова и Анатолия Корчинского.

Аркадий Перлов

к.и.н., начальник отдела магистерских программ научно-исследовательского профиля, ведущий специалист МУНЦ «Высшая школа европейских культур».

Анатолий Корчинский

к.ф.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ.

— Самые часто встречающиеся слова для описания университета — это качество, устойчивость, миссия и эффективность, а также различные их сочетания. А как бы вы описали современный гуманитарный университет?

Аркадий Перлов: Для начала необходимо определиться с терминами. Если какая-то институция называлась университетом когда-то давно, например, в XIX веке, из этого не следует, что мы называем сейчас этим словом принципиально ту же самую или даже сопоставимую институцию. Смысл понятия когда-то и сейчас не обязан быть одинаковым. Инструментально для обозначения институции и людей, которые работают в чем-то, что похоже на университет XIX века, мы и будем использовать данный термин. Однако подразумевающееся в вашем вопросе противопоставление высокой идеи «духа университета» современным условиям основано на предпосылке, что современный университет является наследником и правопреемником университета XIX века, а я, наверное, с этим уже не могу согласиться.

На протяжении разговора мне придется все время опираться на следующий тезис: мы все сейчас работаем не в университетах, а в высшей школе; мы обслуживаем продолжение всеобщего, массового образования. Модель университета XIX века предполагала подготовку будущих элит; образование стало социальным лифтом, но пока еще совершенно недоступным для большинства населения. С одной стороны, это означает необходимость подготовки к относительно конкретной будущей работе (и сильнее всего эта идея непосредственно подготовки к профессии во Франции и в России, в остальном ориентировавшейся на немецкую университетскую идею). С другой стороны, престижность университетского образования как социального лифта подразумевает высокую мотивацию студентов и их конкуренцию между собой; педагогика и администрирование в университетах могут почти отсутствовать; борющиеся за более высокие позиции в будущем студенты и благодарные выпускники сами сделают все необходимое для функционирования системы.

Доля обучающихся в университетах увеличивалась на протяжении всего XX века, но сейчас апелляции к элитарности университета и соответствующее самоощущение утратили всякую релевантность. Грубо говоря, мы не продолжаем воспроизводство элитарного образования, не можем опираться в педагогике и администрировании на конкуренцию студентов между собой и их высокую мотивацию. Мы не готовим к профессии будущие элиты, как в ситуации, когда учились 5, 10 или даже 20 процентов населения и эту малую часть общества надо было готовить к чему-то конкретному. Мы сейчас работаем в 11–14 классах общеобразовательной школы с некоторой незначительной специализацией. К специфике труда на конкретном рабочем месте это никак не подготовит: работодатели прекрасно об этом знают и вполне готовы доучивать человека на месте, если он придет к ним с определенными качествами (ответственность, способность к концентрации внимания, определенный уровень мышления, умение вписаться в команду), которые, по самому большому счету, одинаково желательны для всех профессий или, по крайней мере, для их очень крупных групп.

«Сегодня не только среднестатистические российские вузы, работающие на основе госстандартов, но и западные университетские бренды вынуждены существовать в жестком институциональном контексте»

Таким образом, получается, что мы решаем другие задачи. Мы не готовим к конкретным профессиям и мы работаем не для «лучших», а для всех. Поэтому апеллировать к тому, что называлось университетом в прошлых столетиях довольно бессмысленно.

В нашей ситуации только особо избранные вузы с оговоренным «иным статусом» могут претендовать на то, чтобы готовить элиту к профессии. Во многом по той причине, что им это было поручено сверху. А все остальные работают в высшей школе и

продолжают общее образование, то есть должны обучать решать некоторые типовые задачи типовыми методами.

У людей ведь тоже разные запросы — есть те, которые готовы учиться в условно лучшем вузе и конкурировать со своими сверстниками, но есть те, кого просто надо обучать, кто просто нуждается в повышении своего уровня и формировании тех самых общеобразовательных компетенций. Обе задачи благородные, вторая даже более благородная. Однако надо понимать: если приходят любые студенты и остаются работать любые преподаватели, то тогда и менеджмент в данной институции должен быть иной, чем в институции, устроенной по принципу конкурентности.

Анатолий Корчинский: В вашем вопросе не случайно прозвучали термины, с помощью которых сегодня описывается и «измеряется» университетское образование независимо от того, идет ли речь о престижных вузах, которые могут себе позволить наследовать классическим традициям «научного» университета, или об институциях, ориентированных на своего рода продвинутый ликбез. Думаю, и та, и другая линии еще существуют. В отличие от Аркадия, я бы провел не это, а другое различие: между образованием институциональным и образовательными сообществами, которые все больше развиваются и претендуют на то, чтобы ассоциироваться с понятием «университет».

Разделение, которое мы сейчас наблюдаем, было обусловлено исторически. Какая-то часть классического университета направлена на воспроизводство элит. Это фундаментальная функция университета. Но, с другой стороны, этот тип образования тоже перемещается в иные социальные рамки — существует не только социальный заказ, но и довольно жесткие инструменты бюрократического контроля, которые, по сути, становятся самодовлеющими.

Сегодня не только среднестатистические российские вузы, работающие на основе госстандартов, но и западные университетские бренды вынуждены существовать в жестком институциональном контексте. Не важно, решает ли все «здоровая конкуренция» или министерский мониторинг, образование перемещается в иные социальные рамки — существует не только социальный заказ, но и довольно жесткие инструменты бюрократического контроля, которые, по сути, становятся самодовлеющими.

В России в отношении образования необходимо избавиться от двух иллюзий. Первая состоит в том, что «вузы-космонавты», как их между собой называют чиновники, не только будут штурмовать международные рейтинги, но и выработают какую-то новую образовательную модель, которая постепенно изменит всю ситуацию в России, в том числе спасет университетскую науку. Эти вузы вообще не будут похожи на российские образовательные проекты, а будут похожи на европейские и американские. Вторая иллюзия, что в Европе и США все либерально в плане внутреннего и внешнего контроля, царит свободная конкуренция и подлинное качество образования. Однако проверяющих и контролирующих инстанций там не меньше, если не больше, и нормы, которым нужно следовать, очень жесткие. И свобода существует только в рамках соответствия этим нормам. Просто нормы могут отличаться от наших. В России есть критерии государственного стандарта, а в тех странах, где такого стандарта нет, есть так называемый общественный запрос. Аккредитационные и рейтинговые агентства ждут вас за порогом.

Общественный запрос на деле уже настолько трансформирован институцией экспертов, что опять же превращается в абсолютно бюрократическую формулу, зачастую возводимую в абсолют. Мы часто бываем на мероприятиях, посвященных вопросам качества образования, зачастую их проводят именно европейские коллеги. Мы часто слышим слова об общественной экспертизе, независимых организациях, но этот аппарат оказывается едва ли не более репрессивным, чем наш отечественный. Этот квази-независимый и либеральный аппарат точно так же навязывается вузам, их постоянно проверяют, в их дела постоянно вмешиваются.

Получается, что стирается разница между университетом с традициями и университетом нового типа. Расслоение есть, разницы нет. Не важно, какая задача ставится: вхождение в мировые рейтинги или удовлетворение массового спроса, суть одна.

Вторая тенденция, противоположная этой, в некотором роде связана с приданием термину «университет» метафорического значения. Можно вспомнить, как это слово использовано у Горького в «Моих университетах». Имеются в виду различные альтернативные образовательные практики, подразумевающие взросление и развитие личности в разных контекстах, вне вуза — в пространстве неинституционализованных сообществ, которые принципиально отказываются от институционализации и действуют в сообществах. Это и дистанционное образование, и «Рабочий университет» в «Фаланстере», и «Стрелка», лекции на ОккупайАббай, разного рода лектории и проч. Вот сейчас действует такой проект «Пунктум», который делают выпускницы РГГУ. Можно возразить, что это такой познавательный досуг, далекий от эшелонированного воспроизводства профессионального знания с его учебными планами, дисциплинами и практиками. Да, но, начинаясь таким образом, как нечто необязательное и бесплатное, такие проекты все чаще и все быстрее перерастают в образовательные институции нового типа. Буквально на днях мне попался материал об опыте дистанционного университета Udacity в США, который не состоялся на базе Стэнфорда из-за внутренней бюрократии, но стал успешен как независимый сетевой проект.

«Если мы честно признаемся себе в том, что работа гуманитарного университета состоит в формировании общих компетенций, свойств и умений личности, то это становится опасным, так как начинает граничить с идеологией»

Таким образом, мы наблюдаем за развитием процесса, в котором образование можно получать вне университета, но не вне профессиональных сообществ. Возможно, университет как институция отходит на второй план.

— Получается, что сейчас настоящая борьба идет не за качество, а за финансирование и поддержку?

А.П. Разделение высшего образования на массовое и немассовое мне представляется вполне объективным и неизбежным процессом. Однако кто именно и по каким правилам попадает в ту или иную категорию, остается крайне непрозрачным.

Необходимо понимать, что гуманитаристика — это малая часть всей системы образования, но даже внутри этой малой части стоит вопрос о том, насколько мы сами хотим видеть нашу работу как подготовку кого бы то ни было к какой-либо профессии. А из этого следует вопрос, насколько нас заставляют подобную работу имитировать.

Ответ на первый вопрос зависит от того, что если мы реально к конкретной профессии не готовим и четкими навыками не обеспечиваем, если работа после окончания вуза будет низкооплачиваемой, а полученная профессия не престижной, то выпускник вряд ли на это согласится. Он просто меняет сферу деятельности. Поэтому, если мы к профессии не готовим, получается, что мы выполняем другие задачи: помогаем формировать критическое мышление или просто развиваем способность сосредотачиваться, например, для написания выпускной работы. Это не требует лабораторий и сложноустроенной системы. С другой стороны, это не вписывается в существующую систему грантов для поддержки образовательной деятельности. Подобные гранты продолжают настаивать на достижении научного результата. Заявку на грант написать можно, научный результат также можно изобразить, но скорее всего выиграет заявка тех, кто реально ближе к модели производства научного знания. Выполняемая нами (гуманитарным общеобразовательным университетом, не обязательно РГГУ в узком смысле) на практике работа по совершенствованию у студента определенных навыков не вписывается в существующую систему оценки научного результата. Если утрировать, то можно было бы сказать, что это имеет больше отношения не к науке, а к воспитанию: в детском саду учат сконцентрировать свое внимание на 10 минут и нарисовать цветочек, а

мы, несколько другими средствами, учим сконцентрировать свое внимание на два месяца и написать магистерскую. Другое дело, что в любой будущей профессии именно этот навык не отвлекаться, а выполнить задание, и является самым необходимым.

Важно отметить и такой момент: если мы честно признаемся себе в том, что работа гуманитарного университета состоит в формировании общих компетенций, свойств и умений личности, то это становится опасным, так как начинает граничить с идеологией. От нас этого уже сейчас хотят и к этому подталкивают, так как это соответствует логике эффективности.

Лично мне уже некомфортно пользоваться по отношению к образованию регулятивами науки и профессиональной подготовки. Я работаю со студентами, но работаю в других категориях: не научного результата и научного роста, а того, что через полтора часа занятия или через несколько лет учебы студенты должны стать лучше в каких-то отношениях. Делать вид, что мы сражаемся за профессиональную подготовку для индустрии научного знания — это для меня обременительная симуляция, которая особого смысла не имеет, но которой многие считают необходимым придерживаться.

А.К. Да, но такое еретическое решение отказаться от выполнения государственного или социального заказа на может принять институция. Именно в такой ситуации появляются новые формы организации образовательных процессов. Это характерно как для развитых, так и для быстро развивающихся стран и касается не только университетов. Для школы — это альтернативное частное обучение, например, как в США, где в поисках нового типа образования или даже свободных сообществ, не проверяемых какими-то институциями, все больше развивается сеть надомного или свободного образования. Это не исключает получение различных дипломов и бумажек. Так же происходит и с университетом: человек взрослеет и запрос на дополнительное или свободное от институций образование решается не в семье, а с помощью различных субкультур и сообществ.

Здесь надо определиться, насколько важным для нас остается отношение к самому университету, почему мы так переживаем за его судьбу. Прежде всего, гуманитарные вузы перестают отвечать идеям того же гумбольдтовского университета или принципам научных школ, но его выживание зависит не от идей и концепций, а все в большей степени от бюджетирования, то есть материального базиса.

Получается, что у нас формируется не представление об университете, а представление о моделях его выживания. И эти модели в последнее время все больше стали носить, так сказать, «паразитический» характер. Гуманитарные институции выживают, если рассматриваются как дополнение к структурам, направленным на развитие подлинной квалификации, «профессии». Поэтому деятельность в гуманитарной сфере снова начинает приобретать черты социального эскапизма, дауншифтерства, самодостаточного занятия в контексте получения дополнительного знания о самом себе и обществе. Абитуриенты сейчас могут выбрать филологический факультет в РГГУ или НИУ ВШЭ, но при этом знать, что пойдут работать не по титульной профессии, а станут, возможно, успешными менеджерами с хорошим знанием языков и развитым «критическим мышлением».

Недавнее возникновение школы ШАГИ при РАНХиГС абсолютное тому подтверждение. Это как раз воплощение тенденции: там есть ученые, которые и дальше будут заниматься своими исследованиями, но им для этого нужен материальный базис. А учиться у них как раз будут те, кто хочет расширить свои знания в какой-то социальной проблематике, но при этом они обладают навыками другой профессии. От этой школы им нужен ресурс, который позволит им в необычной плоскости решать профессиональные задачи. И только совсем маленький процент будет продолжать дело этих ученых. Но эта модель все же учитывает существование субкультурной формы университета.

— Получается какое-то обогащение внутреннего мира за счет паразитарного существования университетов?

А.К. Раз уж мы начали разговор о том, что существуют так называемые ведущие вузы и все остальные, то нужно также упомянуть о существовании системы разделения на «major» и «minor» или «Hauptfach» и «Nebenfach» (по-немецки): специальность и дополнительные навыки. Мне кажется, что начала формироваться система, при которой гуманитарное образование будет все больше становиться этим самым дополнительным навыком.

А.П. Любому человеку, пусть это будет менеджер — необходимо расширение его внутреннего мира. Я не совсем согласен, что гуманитарное образование — это дополнение ко всему прочему; скорее, я считаю, что хорошая гуманитарная подготовка необходима абсолютно всем, а вот становиться профессиональными гуманитариями или хотя бы «в первую очередь гуманитариями» — наоборот, нужно очень немногим.

«Деятельность в гуманитарной сфере снова начинает приобретать черты социального эскапизма, дауншифтерства, самодостаточного занятия в контексте получения дополнительного знания о самом себе и обществе»

Грубо говоря, это только кажется, что мы живем в мире, об устройстве которого физики или IT-шники знают лучше, чем гуманитарии. Да, мы едем в метро или сидим за компьютером, и то, как устроено метро или компьютер, кажется реальным знанием, а гуманитарное — эфемерным. Однако, пока мы едем в метро, мы думаем об успехе в отношениях с начальством, девушками и юношами, или родителями, а о том, что такое «успех» и «отношения» лучше знают гуманитарии. И даже о том, почему кусочки бумажки именуется «деньгами», и о том, как получить больше удовольствия и меньше ущерба от общения в соцсети — тоже лучше знают гуманитарии. И, условно говоря, преподавателям и университетам нужно донести до студента, что мы можем их научить думать и знать о своей жизни не «что само собой получается» и не «чему первый попавшийся родитель или друг научил», а критически это перепроверять и вырабатывать ответственную позицию по отношению к собственному жизнестроительству. Речь уже не о подготовке к профессии, и не об универсальных навыках типа умения сосредотачиваться, а об именно гуманитарных компетенциях: ради ответственного администрирования собственного мышления и собственной жизни — умение соотносить свое мнение, интерес и позицию, с мнениями, интересами и позициями других людей, локальных сообществ, и общества и культуры в целом.

И это не какое-то идеалистическое видение гуманитарием важности своего сектора. Мне кажется, что есть пренебрежение со стороны гуманитариев той ролью, которую мы могли бы играть, и непонимание востребованности этой роли. Но это требует другой постановки задачи: не нужно готовить студента к профессии историка, филолога или юриста (а такое количество и, увы, качество историков, филологов и юристов действительно останется невостребованным). Настолько широкая и универсальная гуманитарная подготовка никак не подразумевает обязательного выбора человеком гуманитарной профессии. То есть, мне кажется, нам надо отказаться конкурировать с представителями точных и технических наук в горизонте подготовки к профессии, и нужно вместо этого занять нишу, которая хронологически и логически этому предшествует — нишу формирования у поголовно всех (раз уж все равно практически все из школ идут в вузы) общекультурных и общегуманитарных компетенций. И соответствующим образом должно измениться самоощущение преподавателя. В зоне подготовки к профессии мы не выиграем конкуренции с естественнонаучными факультетами за государственную и спонсорскую поддержку, и мы не убедим абитуриентов, что мы производим более «реальное», чем физики знание. Но мы можем объяснить всем, что мы производим знание более полезное, а точнее, учим их производить знание, долгосрочно полезное лично для него. И навык формирования этого знания может предшествовать или сопутствовать получению непосредственно профессиональной подготовки. А, в свою очередь, работа по трансляции общегуманитарных компетенций должна делаться не менее профессионально, чем

обучение основам гуманитарного научного знания, на модель чего гуманитарные университеты ориентировались ранее и продолжают по инерции ориентироваться сейчас.

Теперь о затронутой теме свободных форм образования. Мне кажется важным обратить внимание на тот факт, что большинство таких проектов не выживает. Мы ведь знаем только об успешных. В любом случае неконкурентоспособные формы уничтожаются. Проекты, которые не обеспечивают себя сами или с помощью государства, инвесторов, благотворителей и так далее, не выживают. Однако если ты (обычный государственный вуз) живешь не на свои деньги, то надо учитывать, что экспертизу твоей эффективности будут проверять непрофессионалы. Вот условный Гарвард обеспечивает себя сам и его может не волновать, какие внешние критерии эффективности придумает власти штатов для любых других вузов.

— Бесплатно никто не участвует в образовании?

А.П. Если мы получаем деньги от государства, то мы должны отчитываться о проделанной работе. Дальше какие-то люди решают давать на это еще денег или нет и так далее. Таким образом, не мы, а они будут хотеть скорее формальных критериев оценки, чем содержательных. Этот механизм будет постоянно воспроизводиться, так как они оценивают эффективность того, что не может быть эффективно или заведомо неэффективно — раз просит денег. Это замкнутый круг, в лучшем случае — с приятными отступлениями: можно выиграть конкуренцию у коллег, оказаться первым среди хромых и временно перейти в другой класс. Мы должны признаться себе в том, что то, что нас оценивают люди, не понимающие специфики нашей работы и надеющиеся на формальные критерии — это нормально.

Возможно ли надеяться на то, что экспертиза и отбор главных образовательных институций ведется теми, кто в этом хоть что-то понимает, или это происходит по совсем другим правилам, вот в чем вопрос. С другой стороны, я являюсь представителем не только тех, кто преподает, но и тех, кто осуществляет административные функции. И, к сожалению, мой опыт говорит о том, что если студенты, преподавателей и институции предоставить самим себе, то все начнет деградировать.

— Вы не верите в саморегуляцию внутри университетов?

А.П. Она работает, но вот только она работает, кажется, хуже, чем попытка дополнить ее каким-либо дирижированием. Во всяком случае так происходит в массовых дотационных университетах, а не в университетах, построенных на внутренней конкуренции студентов и преподавателей.

А.К. Я думаю, что внешний контроль и саморегуляция все же представляют собой разные порядки управления. Однако при довольно жесткой системе контроля извне дополнять ее в России и активным самоконтролем представляется излишним.

— Можно ли начать университет не с идеи, а с инфраструктуры и близких к идеальным условий?

А.П. И при этом переманить специалистов по симуляции отчетности. Это был бы самый «эффективный» вариант [Смеется].

Вообще положение в большинстве международных рейтингов обеспечивается благодаря англоязычным публикациям по естественным наукам. Это не значит, что переманивать и привлекать людей можно сегодня, а место в рейтинге будет уже завтра. Это значит, что должна быть своя лаборатория с научной школой и там проводятся опыты, которые дают результаты и все это с годами оформляется в виде публикаций. Это может занять много лет. Можно провести аналогию с формированием футбольных команд: при любом уровне финансирования и Chelsea, и PSG потребовалось время, чтобы чем-то стать.

А.К. С помощью одной перекупки игроков многого добиться нельзя.

А.П. Скажем так, на взгляд футбольного болельщика, четыре из пяти таких проектов не отрабатывают вложенных в них средств. С университетом все, наверное, обстоит еще намного сложнее. Учитывая успешные образовательные проекты последних

нескольких лет в России, можно сказать, что этот успех не то, чтобы симулируется, но лимитируется по времени. Люди или институции имеют более короткий цикл для осуществления всего сразу — пока ветер не переменится.

«Первая и вторая половина 1990-х были характерны лишь одной тенденцией: если выиграть хоть в чем-то конкуренцию у МГУ, то ты оказывался флагманом образовательного процесса»

При этом многое из действительно хороших начинаний может не состояться, так как условно через пять лет будет другой фаворит и другие правила игры. Об этом знают те люди, которые допущены к организации, поэтому они более склонны делать новые проекты не с тем, чтобы они через 20 лет работали, а в лучшем случае, чтобы через 5 лет «срубить» побольше. А в худшем — они и вовсе решают текущие задачи на пару лет. Наверное, даже посоветовать им в этой ситуации ничего нельзя, поскольку для того, чтобы думать 20-летними категориями в нашей стране, надо, чтобы кто-то реально гарантировал стабильность на ближайшие 20 лет.

А.К. Например, в начале своего пути, в 1990-х годах, РГГУ считался флагманом идеологического либерализма.

А.П. Да, и это было лучше для студентов. Такие примеры все же лучше рассматривать не с точки зрения абстрактных схем, а с точки зрения сравнения ситуации и контекста. Первая и вторая половина 1990-х были характерны лишь одной тенденцией: если выиграть хоть в чем-то конкуренцию у МГУ, то ты оказывался флагманом образовательного процесса. На самом же деле просто новая институция оказывается мобильнее и разумнее, чем давно сложившийся вуз. Потом начались нефтяные доходы и их вложение, в частности, в образовательные проекты. Одним из них недолго был РГГУ. После окончания истории с Юкосом, нефтяные доходы в стране не исчезли — их просто стали тише распределять по другим бенефициарам. И эти вливания продолжают помогать выигрывать конкуренцию.

Эта ситуация не означает, что в РГГУ или МГУ неправильно понимали процессы или следовали неправильной логике, просто каждый новый проект имеет все шансы быть разумнее, чем предыдущие, не быть нагруженным инерцией.

А.К. Но в том и другом случае есть базис, на котором что-то там развивается. Возможно, у меня более левые взгляды на проблемы университета. Грубо говоря, в 1990-е был возможен политический базис у университета и на нем все достаточно долго держалось. Типичный аргумент в 1990-е про РГГУ, в 2000-е про ВШЭ и РАНХиГС — это аргумент про особую поддержку и финансирование, точнее их удачное сочетание.

С другой стороны, есть такие университеты, как РГУ нефти и газа им. Губкина или МГТУ им. Баумана — технические университеты, которые обеспечивают экономическое процветание нашей страны. Однако к ним не приковано внимание — вся медиаподдержка оказалась у избранных у гуманитариев. Почему ставка сделана в медиапространстве на гуманитариев, которых постоянно пытаются сократить.

А.П. Важно понимать, что гуманитарии дают ответы на те вопросы, которые ставит власть обществу, да и самой себе. Потребность в таких ответах даже выше, чем в идеологии. Поясню: услышать не только то, что правильно, но и то, что власть хочет услышать. С представителями естественных наук как-то сложно себе представить, что будут предложения по решению проблем, особенно те, которые устраивают власть. Те люди, которые первыми предлагают удобное решение, получают поддержку для раскрутки своих проектов.

А.К. Я понимаю гуманитариев в более узком смысле, поэтому ни НИУ ВШЭ ни РАНХиГС в этом смысле не являются гуманитарными университетами. Разница между техническими и всеми остальными вузами состоит в том, что в негуманитарных вузах готовят все-таки производителей какой-то продукции. А в Вышке, РАНХиГС, Финансовом университете готовят управленцев, то есть тех, кто будет управлять производителями. А это разные задачи — воспроизводство благ и воспроизводство

бюрократических элит, этими благами управляющих. Возможно, инженеры или программисты никогда не попадут в когорту элиты, а будут работать за условно высокую зарплату на эту бюрократию.

Научные школы, гуманитарные в том числе, надо выращивать. А у нас сплошной футбол: ограниченное количество сильных гуманитариев, которых туда-сюда перетягивают. Это происходит, так как отрасль голодает от нехватки авторитетных специалистов.

— Есть ли потенциал для роста нового поколения сильных гуманитариев?

А.П. Я бы не был столь категоричен в оценках, все же у нас в РГГУ много постоянных научных семинаров и кружков. Также не стоит все сводить к специфическому оттоку мозгов из России. Однако нельзя не согласиться с тем фактом, что профессиональное знание, чем дальше, тем все больше будет становиться англоязычным.

Высокопрофессиональные специалисты с хорошим знанием языков будут стремиться быть частью мирового пространства, а не местного. Те, кто высок уровнем, но не согласен с новыми правилами игры или не настолько высок уровнем, будут оставаться в пределах своих стран и все больше будут скатываться в дискурс оправдания отказа от перехода на английский и от интеграции в мировое, нормоустанавливающее сообщество. Боюсь, что нас ждет угар апологии особого пути: особого российского, особого греческого, особого татарского, особого воронежского... В общем, обоснование особенности своей научной школы — естественный позыв для всех, неспособных вписаться в сообщество более высокого уровня.

— Есть же национальные темы, для которых иностранный язык не нужен.

А.П. Это скорее всего рудимент. Любой предмет специалисты могут объяснять друг другу на языке профессионального общения и в рамках общей картины знания. Сейчас наладить коммуникацию с любым уголком мира стало проще, и надо выработать универсальные правила общения, в том числе и язык.

Я бы сказал, что провинциальные научные школы за исключением каких-то исключительных проектов будут стремиться к перемещению в более крупные научные центры. Все-таки уже невозможно существовать вне мировой системы знаний, которая стремится к централизации. Остается либо подчиняться этим правилам, либо изыскивать оправдания для нежелания и неспособности им подчиниться. Таким образом, если научные школы не являются глобальными центрами мысли, они становятся рудиментом местечковости.

— А осталась ли мотивация в образовании? Зачем это всем надо? Зачем нужен контроль над интеллектуальной деятельностью?

А.П. Я бы не говорил, что нет мотивации. Допустим, у меня маловато мотивации к научной и образовательной деятельности как к подготовке будущих ученых, но у меня есть мотивация улучшения (компетенции) тех людей, которые приходят получать знания, включая меня самого. Согласиться с тем, что мы не занимаемся подготовкой к научной деятельности, не равнозначно отказу от преподавательской мотивации вообще.

«Можно страдать от эксцессов репрессивности, однако человек, отпущенный на полную свободу — это животное. Можно быть животным, а можно и не только им»

А.К. Мотивация, наверное, может вытесняться репрессивной атмосферой образования. Это опять возвращает к теории двух университетов — университета как институции и университета как сообщества. Возможно, следует стремиться к их совмещению. В университете так или иначе всегда ощущается запрос на подобный синтез. В принципе, платят как за научное исследование, так и за воспроизводство научных школ. С одной стороны, это совершенно разные концепции, но они прекрасно коррелируют друг с другом, так как свободный университет произошел как раз от отрицания гиперинституционализованного. И такой университет больше нужен взрослым или уже сформировавшимся личностям. Наши современные студенты 1-2 курса бакалавриата, по моему, достаточно мотивированы, но по-другому. Они научились работать в категориях

«эффективности» и рейтингов, то есть приучены измерять успех и качество обучения в баллах и процентах. И тут нет ничего странного — они просто приняли правила игры. Однако могут же быть и альтернативные правила. Одно другого не исключает.

А.П. В мотивации студентов нет ничего удивительного — в студентах еще теплится жизненная энергия. Но их мотивацию, энергию нужно направлять в правильное русло. Нам надо им объяснить, что часть их энергии выгодно направить не только на личную жизнь и сиюсекундную карьеру, а еще и на образование. За преподавателей и институт этим никто не будет заниматься, на родителей и школу особой надежды как-то нет. Если преподаватель действительно хочет добиться чего-то от студента, преподавателю надо самому заниматься созданием у студента мотивации и объяснять условия образовательного контракта. Вложение в образование, а не в зарабатывание карманных денег, может выгодно сказаться на будущем студента.

Если говорить о репрессивности системы образования, то я готов выступить с частичной апологией репрессивности. Я готов сблизить культуру и цивилизацию с репрессивностью, так как без внутреннего и внешнего преодоления и ограничения себя человек остается животным. Можно такого человека идеализировать, но стоит ли? Можно страдать от эксцессов репрессивности, однако человек, отпущенный на полную свободу — это животное. Можно быть животным, а можно и не только им.

Не стоит выбирать репрессию как противоположный полюс мотивации, не надо бояться смысла и слова «репрессивность». Не надо бояться репрессивности в образовании, так как оно готовит к жизни, также не свободной от ограничений и принуждения. Это воспроизводящаяся система, за счет которой мы сами себе обеспечиваем благосостояние и безопасность. Репрессивность в узком смысле связана с эффективностью. Я убежден, что если никого никогда не отчислять, то в итоге тех, кто учится на совесть, будет все меньше и меньше. Должен быть этот знак, что какой-то уровень необразованности или неформатности является недопустимым, и мы уже такого человека не принимаем и не продолжаем учить.

Я против качественного понимания репрессивности. Думать словами — это тоже некоторое ограничение по отношению к мечте думать совершенно свободно. Ограничение — это не только уменьшение твоих возможностей, но это и возможность сама по себе. Скорее, надо репрессировать некоторые формы репрессивности как недопустимые. Пусть репрессия сопровождает нас с детского сада, но наличие репрессивности не означает, что мы не свободны. Считать, что есть или репрессия (и это плохо), или свобода (и это хорошо) — это левацкое упрощение; это полюса так же необходимые друг другу, как в электромагнитном поле.

— Кто должен определять эту норму?

А.П. Мой термин — контракт, но без государства, то есть социальный контракт. Можно пытаться использовать механизмы и инструменты государства, но главный договор должен быть между образовательной институцией и студентом. Один обязуется обучить и оценить максимально прозрачно и непредвзято, второй — выполнить требования, необходимые для получения знаний.

А.К. Я бы сказал, что какую бы политическую позицию мы ни занимали, репрессия в образовании существует. Разрастание бюрократии внутри образования и вокруг него тоже неизбежно, то есть контроль неизбежен. Власть экспертов, бумаг и разрешений будет только больше со временем.

— Возможен ли тогда бунт университетов или университетских сообществ против излишнего контроля?

А.К. Нет, западные университеты зависят от экспертизы качества, а не от государства. Нам с нашим вертикальным мышлением это кажется свободой, а это отнюдь не свобода. Поэтому дело не в том, с какой стороны идет репрессия, а в том, что эта власть или насилие в более общем плане существует. По всей видимости, это приходится принять и далее вырабатывать частные стратегии. И уйти от этого некуда. Если разделять

университеты как институцию и как сообщество, то сообщество теоретически изымаемо из университета, но это ничего не даст. Возможно повторение 1968 года, где бунтовали преподаватели и студенты, но не бунт против самой системы.

А.П. Университет — часть истеблишмента, этот контроль для него даже желателен. Постоянно революционирующая форма университета с высокой степенью качества пока не появилась. Я думаю, что это и не будет университетом, если такое появится. Университет выдает диплом, который является обозначением координат в пространстве истеблишмента. Это взаимовыгодная система.

А.К. Подобный анархический пафос сильно развит, особенно в интернете, например, Coursera — анархическая изначально система свободного дистанционного образования уже обросла невероятным количеством бюрократических норм: сертификаты, требования к тем, кто становится частью проекта, методы оценки, пр. Сетевая ризома сама хочет быть порабощенной.

А.П. Можно провести аналогию с высказыванием Пелевина: нет ничего продаваемого лучше, чем грамотно отрекламированный и расфасованный бунт против политкорректности и правил. Наши рыночные условия диктуют: кто лучше будет экспериментировать с нарушением правил, стандартов и норм или симулировать эти эксперименты, тот будет успешнее. Таким образом, если не получается лидировать как университет истеблишмента, можно, все равно находясь внутри рамочных правил, пытаться первыми притвориться самым свободным университетом. Другое дело, что соседи тоже не спят, и даже приняв какое-то относительно верное конкурентное решение, ты никак не можешь быть уверен, что другие вузы не справятся с воплощением такого же решения лучше тебя.

НАУКА

19.12.2013

http://kpfu.ru/main_page?p_cid=67873&p_sub=12

Казанский федеральный университет поучаствует в космическом проекте

Список международных проектов, осуществляемых Институтом фундаментальной биологии и медицины КФУ, в ближайшее время пополнится уникальным космическим экспериментом с использованием криптобиотических личинок уникального насекомого хирономиды (*Polypedilum vanderplanki*).

В рамках совместной долгосрочной исследовательской программы космических агентств РФ и Японии в 2014 году на Международной космической станции будет осуществлен эксперимент «Space midge». Концепция эксперимента, ориентированного на понимание влияния космического полета на работу генетического аппарата и жизненный цикл насекомых, была совместно разработана специалистами КФУ, ГНЦ Института медико-биологических проблем РАН и Института агро-биологических наук (Япония).

Пресс-центр КФУ попросил ассистента кафедры зоологии беспозвоночных и функциональной морфологии и куратора создаваемой в рамках программы повышения конкурентноспособности КФУ международной лаборатории «Экстремальные среды и адаптации» к.б.н. Олега Гусева подробнее рассказать об этом проекте.

– Космическая биология и медицина является особой областью исследований. Каждый эксперимент требует значительных технических и финансовых затрат, — рассказывает Олег Александрович. — В то же время, эксперименты на борту космических аппаратов привлекают огромный интерес как научного мира, так и общественности, так как каждый эксперимент — это «кирпичик» в создание систем жизнеобеспечения, которые

позволят человеку осуществлять длительные межпланетные перелеты и, в будущем, возможно, колонизировать другие планеты.

Эксперимент «Space midge» является уникальным в своем роде. Впервые для оценки эффекта космического полета на работу генома животных будут применены криптобиотические насекомые.

Криптобиоз – это способность ряда организмов полностью останавливать жизнедеятельность при отсутствии воды, с сохранением способности к оживанию при последующей гидратации.

В плане проведения космических экспериментов организмы, обладающие такими свойствами, имеют огромное преимущество: в обезвоженном состоянии криптобионты легко транспортабельны и не требуют дополнительных технических решений для поддержания жизнедеятельности. Реактивация организма возможна в любой удобный момент простым добавлением воды: беспозвоночных животных можно оживить спустя месяцы. Любому понятно, какие возможности открывает этот проект в освоении космоса, когда возникает вопрос в дешевой доставке биоматериалов. Подобный материал может стать как кормом, так и пищей для космонавтов.

— Этот факт и лег в основу разработки эксперимента, – продолжает Олег Александрович. – Впервые нам предоставляется возможность оценить «чистый» эффект космического полета на насекомых. Обезвоженные личинки будут реактивированы на борту МКС японским астронавтом Koichi Wakata и зафиксированы несколькими днями позже в специальном буфере для последующего генетического анализа. Кроме того, с применением видеокамер высокого разрешения будут оценены поведенческие паттерны и динамика индивидуального развития хирономиды в условиях космического полета.

Интерес Роскосмоса к личинкам хирономид распространяется и на перспективы их применения в качестве «пассивных радиационных био-дозиметров». Олег Гусев и его команда примут участие в эксперименте, целью которого станет изучение влияния космической радиации на ДНК.

— Отсутствие метаболизма в сухих личинках дает возможность оценивать «накопленные» повреждения ДНК, например, при длительном облучении малыми дозами радиации (во время длительных межпланетных полетов или нахождения на борту МКС), – продолжает ученый. – Это позволит лучше представлять генотоксичный эффект космической радиации. Работы в этом направлении мы начали в этом году совместно с лабораториями университетов Варшавы и Техаса с применением недавно разработанной методики BLESS - оценки «ландшафта» повреждений ДНК на уровне целого генома с использованием полногеномного секвенирования.

Эксперимент Space Midge является частью инициированного в 2010 году совместного проекта «AQH-Аквариум», проводимого Институтом медико-биологических проблем и японским космическим агентством JAXA. Основным направлением работ является изучение влияния факторов космического полета на водные организмы с использованием системы аквариумов Aquatic Habitat, установленных в японском модуле МКС. В качестве объектов исследований используются рыбы и беспозвоночные. Особенностью проекта является возможность долгосрочного содержания водных организмов на борту МКС с последующей фиксацией (химическими методами или заморозкой). Система является прототипом оборудования для использования в длительных межпланетных перелетах.

20.12.2013

<http://www.rg.ru/2013/12/20/livanov-anons.html>

В России появится новый госстандарт для аспирантуры

В России разрабатывается новый федеральный госстандарт по работе аспирантуры, передает ИТАР-ТАСС.

"Диссертация будет рассматриваться как основной результат работы аспиранта, и аспирантура будет считаться законченной только по представлении диссертации и принятии ее диссертационным советом", - отметил министр образования Дмитрий Ливанов.

Госстандарт должен сохранить преемственность с традициями аспирантуры, которые были еще в Советском союзе, считает Ливанов. При этом нововведения позволят создать сопоставимую с европейской научно-образовательную систему.

20.12.2013

<http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/news/common/news45629.html>

В РОССИИ ПОЯВЯТСЯ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ПРОФЕССОРА

Минобрнауки введёт в 2014 году новую постоянную должность — федерального профессора или федерального исследователя. Об этом на заседании Совета при Президенте РФ по науке и образованию заявил Дмитрий Ливанов, сообщает ИТАР-ТАСС.

По словам главы Минобрнауки, такие позиции на постоянной основе будут занимать ведущие российские учёные и преподаватели вузов. Отбирать кандидатов предлагается на национальных конкурсах.

Кроме того, Ливанов добавил, что Федеральное агентство научных организаций будет распределять госзадания в науке на конкурсной основе. Как сообщила информационная служба фонда «Русский мир», выступая на Совете, Президент РФ Владимир Путин отметил, что «необходимо чётко определить приоритеты, на которых будет сконцентрирована основная часть государственных средств, приоритеты, одобренные и принятые как в научных кругах, так и в обществе в целом».

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

18.12.2013

<http://www.dvfu.ru/-/studenty-dvfu-gotovat-ekskluzivnye-podarki-k-novomu-godu>

СТУДЕНТЫ ДВФУ ГОТОВЯТ ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ПОДАРКИ К НОВОМУ ГОДУ

Стремительно приближается Новый год — время праздника и подарков. Дальневосточный федеральный университет, полный инициативной и деятельной молодёжи, всю готовится к новогодним торжествам. Каждая Школа и студенческая организация проводит свои собственные мероприятия — станционные игры, киносеансы, конкурсы на лучшее убранство комнаты и многое другое. А некоторые даже готовят особенные подарки для университета — Школа гуманитарных наук (ШГН) задумала выпустить собственный календарь на грядущий 2014 год.

Страницы календаря будут оформлены фотографиями студенток Школы разных направлений. Их выбрали путём голосования в социальных сетях из 54 претендентов.

— Во время посвящения первокурсников мы объявили ребятам о том, что будет проводиться конкурс — самые красивые люди Школы гуманитарных наук. Предложили претендентам сфотографироваться на фоне постера и разместить результат на страничке в соцсети. Несколько месяцев кандидатов отбирали. Сейчас мы активно фотографируем нашу дюжину финалисток. Есть ещё и те, кто не победил, но набрал больше сотни голосов — их мы планируем также сфотографировать на календарь, но другого формата, — говорит начальник отдела воспитательной работы со студентами ШГН ДВФУ, идейный вдохновитель проекта Дмитрий Куманёв.

Календарь выйдет к Новому году и станет настоящим подарком для сотрудников, студентов и преподавателей. Планируется, что увидеть его можно будет не только в стандартном настенном формате, но и в электронном варианте и даже использовать как

заставку на рабочий стол компьютера. С моделями-студентками ШГН работает известный фотограф, преподаватель ДВФУ, директор учебной телестудии Антон Бубновский.

Отметим, что не только праздничные мероприятия и подарки напоминают в кампусе о приближении Нового года. Весь студенческий городок уже сияет новогодними красками и праздничными гирляндами. Каждый корпус — жилой, учебный и административный — может похвастаться своим ярким убранством и красавицами-ёлками. А на входе в Студенческий центр (корпус А) всех встречает девятиметровая ёлка с огромными, в человеческий рост, подарками под ней.

20.12.2013

**<http://www.dvfu.ru/-/v-dvfu-poavilsa-novyi-organ-studenceskogo-samoupravlenia-senat>
В ДВФУ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ОРГАН СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
— СЕНАТ**

Студенты Юридической школы Дальневосточного федерального университета воплотили в жизнь идею создания нового органа самоуправления. Теперь вместо студенческого совета вопросами Школы займётся Сенат. Его состав сформировали из активистов путем тайного голосования за кандидатов.

Кабинки и ящики для голосования, стенд с информацией о кандидатах, избирательные бюллетени — обязательные атрибуты настоящих выборов разместили в холле Юридической школы в преддверие голосования за членов Сената. Студентам самим предложили выбрать тех, кто будет представлять их интересы перед администрацией Школы и университета, взаимодействовать с другими молодёжными объединениями.

Самовыдвиженцами на избрание в Сенат стали 16 человек, из них победили и вошли в состав органа — 9. Явка избирателей Юридической школы ДВФУ составила 25,3 процента. По словам организаторов, это хороший показатель, ведь право голосовать получили все студенты очной формы обучения, а многие из них уже выпускники и попросту не заинтересованы в новой форме самоуправления.

— В День юриста, 3 декабря, мы собрали студенческую конференцию, на которой и утвердили положение о создании Сената в Юридической школе. Студентам оказалось важно, чтобы наш орган самоуправления был сосредоточен не только на культурно-массовой работе, а, прежде всего, лоббировал общественное мнение по всем вопросам школьной жизни. Члены сената выбраны, и вскоре они уже между собой решат, кто его возглавит, — рассказал администратор образовательной программы «Юриспруденция» Максим Пряженников.

Отметим, что в Сенат вошли преимущественно студенты старших курсов и опытные активисты общественных объединений.

Также напомним, что недавно произошли изменения и в главном органе студенческого самоуправления — Объединённом совете. Его возглавил студент Юридической школы ДВФУ Никита Тыжненко, а называться стал Объединённый совет студентов.

Обзор подготовили:

Саввинов В.М.

Стрекаловский В.Н.

Волкова Т.И.

2013 г.